характерных для осужденных. Альтернативой могут выступать спорт и секс, но они менее доступны лицам, отбывающим наказание. Употребление наркотических веществ поощряется преступной субкультурой, а потому увеличение обращения с наркотиками в структуре пенитенциарной преступности может служить показателем усиления влияния криминальных обычаев и традиций.

Убийства, занимавшие в 1983 г. четвертое место (7,2 %), переместились в 1995 г. на седьмое место (2,4 %), и их уровень снизился в 2,8 раза, что тоже может выступать в качестве показателя усиления в исправительных учреждениях преступной субкультуры, так как тяжкое насилие в криминальных разборках среди «старых» воров в законе признается крайним, исключительным средством, среди «новых» же воров – наоборот. Поэтому данное обстоятельство может быть расценено также и как свидетельство усиления позиций «старых» воров в законе в условиях изоляции; на свободе же происходят обратные процессы.

Сопротивление представителям власти, угрозы или насилие в отношении должностного лица с шестого места в структуре преступности в 1983 г. (4,2 %) переместились на пятое в 1995 г. (3,8 %). Это незначительное изменение, уровень этих преступлений чуть уменьшился – с 0,16 до 0,15 на каждую тысячу осужденных.

Проводилось исследование по выявлению корреляционных связей между различными видами преступлений в исправительных учреждениях и было установлено, что между хулиганством и побегами во всех исправительных учреждениях на протяжении последних 15–20 лет существует четко просматривающаяся обратно пропорциональная зависимость, когда с увеличением побегов хулиганство неизменно уменьшается и наоборот.

Это объясняется рядом причин:

1) хулиганство и побег – два основных вида преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях; это подсознательное проявление мотивации несогласия с изоляцией, с узкими рамками общения, что отражается или в стремлении к расширению этого круга (побег), или в несогласии с ним (хулиганство);

2) побеги вытекают из самой природы наказания, предполагающей уклонение от него;

3) хулиганство органично по своей природе связано с сужением пространства и времени, что характерно для мест лишения свободы, поскольку в этих условиях нарушить общественный порядок не составляет труда[1].

[1] См.: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. М., 2000. С. 77.

Приведем некоторые показатели постпенитенциарной преступности, т.е. преступности среди лиц, освобожденных из исправительных учреждений, из мест лишения свободы. Во всех странах в первый год после освобождения совершается наибольшее число повторных преступлений. В Российской Федерации было осуждено в течение одного года после освобождения из мест лишения свободы в 1986 г. – 74 119 осужденных, в 1987 г. – 54 598, 1988 г. – 49 240, 1989 г. – 44 987, 1990 г. – 40 687, 1991 г. – 37 845. С 1992 г. эта строка в статистической отчетности исчезла.

Приведенные данные составили в общем числе осужденных, ранее судимых, в 1988 г. – 27,8 %, в 1989 г. – 24,4 %, в 1990 г. – 19,1 %, в 1991 г. – 16,8 %.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что с 1986 г. состояние и удельный вес постпенитенциарной преступности постоянно снижается (примерно в 2 раза), что может свидетельствовать, прежде всего, о том, что в современных условиях освобождаемые из мест лишения свободы адаптируются достаточно хорошо[1].

О.С. Одоев,
аспирант НИУ ВШЭ

Административная преюдиция в уголовном праве: историко-правовой и институционально-доктринальный анализ

Проблема обеспечения национальной безопасности и гарантирования прав, свобод и законных интересов граждан представляет собой «стержневой» принцип конституционного развития российской государственности на настоящем этапе. При этом ни для кого не секрет, что системообразующим звеном становления гражданского общества является защита личности от социально опасных посягательств и криминального поведения отдельных индивидов. Так, за двадцать лет с момента вступления в силу Конституции РФ, особую актуальность приобрел вопрос противодействия криминализации российского общества[2]. В данной связи уголовному праву как праву карательному и наиболее репрессивному средству противодействия неправомерному поведения человека в социуме необходимо иметь специфический ин-

[1] См.: *Конев А.А., Муравьев В.В.* Преступность молодежи и рецидив: учеб. пос. Н. Новгород, 2003. С. 3–4.

[2] См.: *Зорькин В.Д.* Конституция против криминала // Росс. газ. 2010. 10 дек. № 5359 (280).

струментарий реализации своих задач. С одной стороны, уголовно-правовая реакция государства представляет собой один из наиболее эффективных механизмов воздействия на общественно опасное поведение личности. Между тем, необходимо учитывать, что ни с этико-правовых, ни с рациональных позиций недопустимо применение уголовной репрессии в каждом случае неправомерного поведения граждан. С этой точки зрения, институт административной преюдиции в уголовном праве является одним из средств как криминализации, так и частичной декриминализации отдельных видов правонарушений, сущность которого заключается в возможности привлечения лица к уголовной ответственности после наложения мер административно-правового принуждения. Значительную важность обозначенного вопроса для действующего уголовно-правового регулирования отметил Президент РФ Д.А. Медведев в ежегодном Послании Федеральному Собранию в 2009 г., указав: «Наше уголовное законодательство, как и практика его применения, должны стать более современным... В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, т.е. привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»[1].

В этой связи в рамках настоящей статьи представляется целесообразным рассмотреть институт административной преюдиции в отечественном уголовном праве в его историко-правовом и институционально-доктринальном аспектах.

Обращаясь к истории вопроса, необходимо отметить, что юридические конструкции с административно-правовой преюдицией в «чистом виде» в отечественной уголовно-правовой системе впервые получили закрепление с появлением первых декретов Советской власти. Так, п. 4 Декрета СНК от 7 октября 1921 г. «Об ответственности за нарушение декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин» предписывал: «Нарушение установленных правил оптовой и розничной торговли вином карается в первый раз в порядке, установленном декретом Совета Народных Комиссаров «Об административных взысканиях» (Собр. Узак., 1921, № 52, ст. 310). Повторное нарушение этих правил карается по суду лишением свободы или принудительными работами без лишения свободы с воспрещением торговли вином на определенный срок либо без срока»[2]. Рассматривая историю возникновения административной преюдиции в уголовном праве, отчасти следует согласиться с А.Г. Безверховым, что предтечей

[1] http://kremlin.ru/transcripts/5979

[2] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 106.

рассматриваемому способу конструирования составов преступлений были все-таки законоположения царской России[1]. Между тем, автор, исследуя указанную проблему, ссылается на нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.) (далее – Уложение), приводя в пример предписания ст. 322 Уложения: «За укрывательство или покупку заведомо похищенного или самовольно срубленного другими леса, виновные в том лесопромышленники подвергаются: в первый раз, денежному взысканию, равному цене принятого или купленного леса; во второй раз, тому же денежному взысканию или сверх того, и аресту не свыше шести недель; в третий и более раз тому же денежному взысканию и заключению в тюрьму от одного до трех месяцев. Лесопромышленники, виновные в означенных проступках во второй и более раз, независимо от определенной по закону ответственности, приговариваются во всяком случае к лишению права заниматься лесною промышленностью в продолжение пяти лет»[2]. Необходимо отметить, что аналогичные по способу построения юридические конструкции уголовно-правовых запретов Уложение содержало и в иных разделах и главах (ст. 908, 1201), о чем справедливо замечает А.Г. Безверхов[3]. Между тем, думается, что назначение более сурового наказания при неоднократности преступлений по Уложению не свидетельствовало о наличии признаков административной преюдиции. В соответствии со ст. 137 Уложения «к числу обстоятельств, увеличивающих вину и наказание, принадлежат и повторение того же преступления или учинение другого после суда и наказания за первое, и впадениие в новое преступление, когда прежнее, не менее важное, было прощено виновному вследствие общего милостивого манифеста, или по особому Монаршему снисхождению»[4]. Таким образом, можно прийти к выводу, что повторением преступлений по Уложению признавалось совершение лицом преступления после осуждения за предыдущее. В данной связи Н.С. Таганцев указывал, что «...повторением по уложению считается не только совершение того же, но и какого-либо другого преступления после суда и наказания за первое»[5]. Из приведенной дефиниции можно выделить два признака повторения преступлений, закрепленных в законе: повторение преступлений образует как умышленные преступления, так и деяния, совершенные по

[1] *Безверхов А.Г.* Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. № 2(10). С. 46.

[2] Там же. С. 46.

[3] См.: Там же.

[4] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 44.

[5] *Таганцев Н.С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издание седьмое, пересмотренное и дополненное. СПб., 1892. С. 100.

неосторожности, – субъективный признак; и повторение преступлений образуется лишь в случаях, если лицо отбыло наказание за совершение первого преступления – объективный признак. Беря за основу обозначенное нами заключение, данные отечественной правоприменительной практики и разработки доктрины уголовного права, можно прийти к двум взаимосвязанным выводам. Во-первых, очевидно, что уголовно-правовые нормы, регламентирующие повторение, являются тождественными существующему институту рецидива преступлений. В данной связи мы солидарны с исследователями, полагающими, что рецидив преступлений представляет собой один из первых феноменов, появившихся в отечественном уголовном праве[1]. Во-вторых, нормы ст. 322, 908, 1201 Уложения во взаимосвязи с предписаниями ст. 137 этого же нормативного акта по смыслу закона представляют собой применение уголовной ответственности за повторение преступлений, а не реализацию административно-правовой преюдиции.Необходимо отметить, что дореволюционная доктрина и правоприменительная практика тех лет отграничивали рассматриваемое повторение по Уложению от повторения противоправных деяний по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (далее – Устав)[2]. Так, в соответствии с последним, повторение проступка признавалось обстоятельством, увеличивающим вину подсудимого, и определялось как совершение такого же, либо однородного деяния до истечения года после присуждения к наказанию (ст. 14)[3]. По общему правилу, повторение проступка, запрещенного положениями Устава, в отличие от повторения преступлений, не влекло усиления наказания в установленных законом пределах. Между тем, Н.С. Таганцев указывал, что примечание к ст. 1 Устава предписывало мировым судьям в случаях нарушения уставов казенных управлений, о повинностях и торговле применять нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «не выходя из указанных в сей статье пределов предоставленных им власти»[4].

Анализируя положения указанных нормативных актов, Н.С. Таганцев приходил к выводу, что мировой судья уполномочен применить предписания Уложения лишь в случаях неоднократности обозначенных проступков[5]. Необходимо согласиться с указанным выводом,

[1] См.: *Гавердовская В.И.* К вопросу о становлении института рецидива в отечественном уголовном законодательстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2009. № 1 (5). С. 9–13.

[2] См.: *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 100.

[3] Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. СПб., 1902.

[4] Там же. С. 19.

[5] См.: *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 100.

поскольку значение административной преюдиции состоит в том, что меры государственного принуждения, применяемые к лицу, виновному в совершении первичного правонарушения, реализуются в рамках иной, менее репрессивной (нежели уголовное) отрасли права. В противном случае defacto происходит нуллификация превентивной функции юридической ответственности субъектов конкретных правоотношений.

Исходя из изложенного можно прийти к выводу, что повторность проступка по Уложению о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., представляет собой весьма удачную попытку дореволюционного законодателя сформулировать административную преюдицию и, тем самым, разграничить повторность в уголовно-правовом (рецидив) и административно-деликтном (административная преюдиция) смыслах.

Возвращаясь к вопросу о становлении института административной преюдиции в рамках советской системы права, небезынтересным будет отметить, что уже первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. содержал соответствующие юридические конструкции. Так, в соответствии со ст. 79 УК РСФСР неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, карался в первый раз административными взысканиями, налагаемыми соответствующими органами власти в пределах, законом определенных. Повторный и упорный неплатеж или отказ от исполнения работ или повинностей, или иные действия, устанавливающие злостность неплательщиков, карался лишением свободы или принудительными работами на срок не ниже шести месяцев или конфискацией всего или части имущества, или наложением имущественных взысканий не ниже двойного размера тех же платежей или повинностей[1]. В дальнейшем, еще один состав преступления против порядка управления, обусловленный административной преюдицией, получил легальное закрепление декретом ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г. «Об изменении статьи 139-а Уголовного кодекса РСФСР»[2].

Следует отметить, что в следующем Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. круг общественных отношений, связанных с административной преюдицией, был расширен[3]. Так, в соответствии со ст. 61 рассматриваемого нормативного акта отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение нака-

[1] См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 125–126.

[2] Известия ЦИК СССР и ВЦИК от 21 января 1925 г. № 17.

[3] См.: *Ямашева Е.В.* К вопросу о становлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10(154). С. 70.

зывался в первый раз – административным взысканием, налагаемым соответствующим органом власти в пределах, законом установленных; во второй раз – принудительными работы на срок до шести месяцев или штрафом в размере тех же повинностей и работ[1]. Также необходимо дополнить, что составы преступлений, опосредованные административной преюдицией, были предусмотрены ст. 83, 85, 100, 105, 108, 133 УК РСФСР 1926 г.

Выявляя историко-правовые тенденции формирования рассматриваемого института, следует отметить, что советский законодатель при принятии Уголовного кодекса 1960 г. также пошел по пути расширения круга противоправных деяний с административной преюдицией. В этой связи А.Г. Безверхов указывает, что «в последнем советском УК наличествовало около пятнадцати такого рода статей. Последние предусматривали ответственность за имущественные, хозяйственные, экологические, транспортные преступления и преступления против порядка управления (ст. 94[1], 94[2], 154[1], 156, 156[4], 162, 162[1], 166, 166[1], 197[1], 198, 198[2], 211[1], 219[1])»[2].

Принципиально иную позицию относительно административной преюдиции занял отечественный законодатель, полностью отказавшись от обозначенного института при принятии УК РФ. Между тем, в литературе справедливо указывается, что институт административной преюдиции присутствовал как в первоначальной редакции кодекса в скрытом виде[3], так и в иных нормативных актах[4].

Исторический анализ отечественного законодательства позволяет говорить о том, что следующим этапом становления административно-правовой преюдициальности в российском уголовном праве стало принятие Федерального закона от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ, которым ст. 178 УК РФ «Недопущение, устранение или ограничение конкуренции» изложена в новой редакции, что вызвало крайнее неодобрение на доктринальном уровне[5]. Несмотря на суждения противников административной преюдиции в уголовном праве, Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продук-

[1] Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

[2] *Безверхов А.Г.* Указ. соч. С. 47.

[3] См.: *Иванчин А.В.* Конструирование составов преступлений с административнойпреюдицией: proetcontra // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 3 (21). С. 65–66.

[4] См.: *Ямашева Е.В.* Указ. соч. С. 70.

[5] См.: *Лопашенко Н.А.* Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64–71.

ции» уголовный закон был дополнен нормой ст. 151[1], установившей уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно, т.е. в случае, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней. Соответствующий запрет на розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в рамках административно-деликтного законодательства содержит ч. 21 ст. 14.16 КоАП РФ. Очередным этапом планомерного включения административно-правовой преюдиции в систему отечественного уголовного права явился подготовленный Министерством юстиции законопроект, предусматривающий внесение изменений по ряду существующих составов преступлений: ч. 1 ст. 123; ч. 1 ст. 171; ч. 1 ст. 1711; ч. 1 ст. 180; ч. 1 ст. 191; ч. 1 ст. 198; ч. 1 ст. 228; ч. 1 ст. 237; ч. 1 ст. 245; ч. 1 ст. 257; п. «б» ч. 1 ст. 256; ч. 1 ст. 258 УК РФ[1].

Подводя итог историко-правовому обзору становления института административной преюдиции в отечественном уголовном праве, можно прийти к выводу, что указанная группа норм не является чуждой российской правовой системе, имеет доктринальные обоснования в дореволюционной юридической традиции и обладала легальным закреплением во всех формальных источниках уголовного права XX в. С учетом этого следует дать позитивную оценку наметившимся тенденциям в российской уголовной политике в части расширения составов преступлений, обусловленных административных преюдицией, с позиции стабильности уголовно-правовой системы.

Между тем, несмотря на то, что административная преюдиция является данностью в действующем уголовном законе, на доктринальном уровне на этот счет имеет место оживленная дискуссия. Таким образом, анализируя современную научную литературу в области уголовного права и криминологии по рассматриваемого вопросу, следует согласить с А.В. Козловым, что в связи с возвращением административно-правовой преюдиции в уголовное законодательство научная дискуссия относительно данного института уголовного права и законодательства, которая после 1996 г. практически «утихла», разгорелась с новой силой[2]. При этом в науке уголовного права сложились различные точки зрения: от позитивных оценок рассматриваемого института

[1] См.: *Колосова В.И.* Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского государственного университета. 2011. № 5(1). С. 247.

[2] См.: *Козлов А.В.* О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2012. № 1(22). С. 43.

(В.П. Малков[1], А.В. Иванчин[2] и др.) до крайнего его неприятия (А.Г. Кибальник[3] и др.). В данной связи представляется справедливым обратиться к доводам и суждениям как противников, так и сторонников включения административной преюдиции в структуру механизма уголовно-правового регулирования с целью обнаружения позитивных и негативных сторон исследуемого явления.

Так, одним из основных аргументов contra административной преюдициальности является тезис о том, что наличие обозначенного института в правовых предписаниях уголовного закона вступает в противоречие с принципом nonbisinidem и, следовательно, не соответствует ч. 1 ст. 50 Конституции РФ. В соответствии с таким способом обоснования суждений против административной преюдиции, при неоднократности совершения проступка лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности вследствие того, что дело о первичном административном правонарушении уже было разрешено по существу и, соответственно, правонарушитель уже претерпел неблагоприятные последствия своего неправомерного поведения.

Также в дебатах о целесообразности административной преюдиции противники исследуемого института оперируют тезисом Н.Ф. Кузнецовой: «...между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие;... количество проступков неспособно перерасти в качество преступления ("сто кошек не могут образовать одного тигра")»[4]. При такой трактовке природа общественной опасности (вредоносности) противоправных деяний понимается как нечто статичное, раз и навсегда неизменное и, соответственно, в этом виде закреплена в нормах уголовного закона. В таком случае негативная реакция государства на его повторение не может быть иная, нежели на первичное деяние.

В ряде случаев к доводам против административной преюдиции относят то, что при реализации обозначенного института defacto происходит частичное возложение функции правосудия на внесудебные органы, что противоречит ч. 1 ст. 118 Конституции РФ. В обоснование указанного тезиса приводится то, что сущность преюдициальных отношений предполагает признание судом юридического факта установленным без дополнительной проверки при наличии предшествующего решения в отношении этого же обстоятельства, вступившего в

[1] См.: *Малков В.П.* Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 58–64.

[2] См.: *Иванчин А.В.* Указ. соч. С. 65–69.

[3] См.: *Кибальник А.Г.* Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 119–125.

[4] Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 142–143.

законную силу. Так, в соответствии с гл. 23 КоАП РФ перечень органов и должностных лиц, обладающих полномочиями разрешать дело об административном правонарушении по существу, включает в себя более 80 пунктов.

С процессуально-правовой точки зрения реализация обозначенного института вызывает трудности в случаях, если постановление по делу об административном правонарушении отменяется судом надзорной инстанции по реабилитирующему основанию после вынесения приговора по уголовному делу[1]. По нашему мнению, в этом случае *законный, обоснованный* и *мотивированный* приговор по уголовному делу также подлежит отмене в кассационном порядке по реабилитирующим основаниям. Таким образом, возникает новый вид кассационного производства, задачей которого является механическая отмена приговоров нижестоящих судов.

Между тем, несмотря на все критические доводы, в российской юридической доктрине сформировалась устойчивая система идей, представлений и взглядов на юридическую природу и сущность административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве, оценивающих рассматриваемый институт с позитивной стороны. Для детального сопоставления суждений сторонников и противников рассматриваемого уголовно-правового института, нам представляется целесообразным рассмотреть контраргументы pro в той же последовательности, что и аргументы contra.

Как указывалось ранее, конструкции составов преступлений, обусловленных административной преюдицией, были исключены из первоначальной редакции УК РФ на основании противоречия принципу non bis in idem. В данной связи прав А.Г. Безверхов, указывая о недопустимости формальной трактовки данного конституционного принципа, приводя в пример реформу УК РФ в 2003 г.[2]: «...Буквальная трактовка принципа non bis in idem привела к тому, что и рецидив исключен из положений Особенной части УК РФ ...Дальнейшая абсолютизация указанного принципа и его подобного рода трактат порождает вопрос о допустимости и целесообразности рецидива в Общей части УК РФ...»[3]. В связи с этим очевидно, что при «вульгарном» применении принципа о ненаказуемости дважды за одно правона-

[1] См.: *Одоев О.С.* Проблема взаимосвязи уголовно-правовых и административных запретов: материальный и процессуальный аспекты (на примере ст. 151[1] УК РФ и п. 21 ст. 14.16 КоАП РФ) // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 221.

[2] В данном случае речь идет об изменениях в УК РФ, внесенных Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

[3] *Безверхов А.Г.* Указ. соч. С. 43.

рушение институт рецидива, регулируемый нормой ст. 18 УК РФ, также вступает в противоречие с ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

Между тем, Конституционный Суд РФ в п. 1.3 постановления от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» подчеркнул, что принцип non bis in idem не препятствует как федеральному законодателю – путем закрепления судимости и связанных с ней институтов неоднократности и рецидива преступлений, влекущих предусмотренные уголовным законом правовые последствия, так и суду – в процессе определения в установленном порядке вида и меры наказания, применяемого к лицу, совершившему преступление, учитывать характер преступления, его опасность для защищаемых Конституцией Российской Федерации и уголовным законом ценностей, интенсивность, причины и иные обстоятельства его совершения, а также данные о лице, совершившем преступление, при условии, что регулирование этих институтов и их применение адекватно конституционным принципам юридической ответственности и гарантиям личности в ее публично-правовых отношениях с государством.

Таким образом, видно, что в конституционно-правовом смысле рассматриваемый принцип как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности нуждается в ограничительном толковании при условии соблюдения конституционно-правовых гарантий ограничения прав и свобод личности.

В связи с этим думается, что принцип non bis in idem применительно к составам преступлений, обусловленным административной преюдицией, устанавливает императивный запрет на повторное привлечение к юридической ответственности. В свою очередь, следует согласиться с И.А. Дикаревым, что о повторности идет речь только в случаях, если предыдущее решение, которым подтверждена причастность лица к совершению правонарушения, сохраняет свою юридическую силу[1].

[1] См.: *Дикарев И.А.* Реализация общепризнанного принципа nonbisinidem в российском уголовном процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2013. № 1(18). С. 103.

По нашему мнению, специфика механизма привлечения к уголовной ответственности по рассматриваемой категории дел состоит в том, что постановление о привлечении к административной ответственности теряет свое юридическое значение вследствие «поглощения» юридической силой приговора. К примеру, при привлечении к уголовной ответственности по ст. 151[1] УК РФ (розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции) лицо необходимо считать не привлекавшимся к административной ответственности за нарушение предписаний ч. 2[1] ст. 14.16 КоАП РФ. С этих позиций наиболее удачной представляется законодательное конструирование составов преступлений с одинарной преюдицией.

В уголовно-правовой теории по рассматриваемым вопросам наиболее дискуссионной является гипотеза об общественной опасности деяния и лица, виновного в совершении преступления, обусловленного административной преюдицией. Представляется, что дискуссии обусловлены неверным пониманием юридической природы общественной опасности. Так, противниками включения административно-правовой преюдиции в структуру механизма уголовно-правового регулирования общественная опасность деяния понимается как способность преступления причинять вред общественным отношениям или создавать реальную угрозу причинения вреда. Сторонниками же указанного уголовно-правового института в рамках общественной опасности деяния обособляется общественная опасность деятеля. В данной связи прав А.В. Иванчин, указывая, что общественная опасность определяется набором всех присущих этому деянию признаков, включая и характер самого действия (бездействия), и вред, и форму вины, и мотив или цель, и признаки субъекта и т.д.[1]

Механизм «нарастания» характера и степени общественной опасности любого правонарушения представляет собой систему, состоящую из нескольких взаимосвязанных и взаимозависимых элементов: общественная опасность субъекта, признаки субъективной стороны, причиненный объекту правонарушения вред и общественно опасное действие (бездействие). При этом общественная опасность любого из элементов системы может повышаться за счет увеличения степени общественной опасности иного элемента. Так, применительно к составам с административной преюдицией, общественная опасность субъекта возрастает за счет более злостного отношения лица к норме права (увеличения «общественной опасности» признаков субъективной стороны).

[1] См.: *Иванчин А.В.* Указ. соч. С. 67.

Рассматривая вопрос о возложении полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, потенциально имеющих уголовно-правовые последствия, на внесудебные органы, следует отметить, что в правоприменительной деятельности отсутствует единообразие по этому поводу. Так, в соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ полномочиями по рассмотрению административных правонарушений, предусмотренных ч. 21 ст. 14.16 КоАП РФ (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции) наряду с внесудебными органами обладают судьи судов общей юрисдикции, в случае, если орган внутренних дел передает его на рассмотрение судье. При проведенном анализе практики применения указанного предписания КоАП РФ мы пришли к выводу, что в большинстве случаев правоприменительная практика идет по пути судебного рассмотрения обозначенных правонарушений.

Несколько иначе в правоприменительной деятельности реализуются нормы ст. 14.31 КоАП РФ «Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке». Так, при наличии предписаний ст. 23.1 КоАП РФ о возможности рассмотрения обозначенной категории дел судьями, постановления о привлечении лиц к административной ответственности по ст. 14.31 и 14.31.1 КоАП РФ выносятся федеральными антимонопольными органами, что, в свою очередь, может повлечь обозначенные ранее конституционно-правовые и процессуальные трудности. В данной связи следует негативно оценить практику применения предписаний ст. 14.31 и 14.31.1 КоАП РФ.

Подводя итог, необходимо обозначить следующие основные выводы.

Административная преюдиция представляет собой возможность привлечения субъекта преступления к уголовной ответственности в случаях повторения противоправного поведения, предусмотренного нормами административно-деликтного права.

Указанный правовой институт не является новым для российской уголовно-правовой системы в силу наличия как доктринальных разработок, так и родственных законодательных конструкций во всех формальных источниках уголовного права начиная со второй половины XIX в. Между тем, при наличии обширной исторической базы, в современной России не сформировалась как единообразия судебной практики по легально закрепленным составам преступлений с административной преюдицией, так и единодушия взглядов ученых по принципиальным вопросам рассматриваемого института.

При этом административная преюдиция, являясь одним из наиболее эффективных средств как превенции преступности, так и криминализации (декриминализации), нуждается в дальнейших теоретических разработках.

Т.В. Семенов,
аспирант НИУ ВШЭ

Корпоративные отношения как сфера установления уголовно-правовых запретов

Кардинальные изменения, происходившие в социально-политической и экономической сферах в 1980–1990-е гг., не могли не найти своего отражения в изменении действующего законодательства и признании правомерными ранее запрещенных видов деятельности. Так, проводившиеся в тот период реформы, направленные на разгосударствление экономики, внедрение рыночных отношений, свободу торговли, впервые после эпохи НЭПа возвратили кооперативное движение, а несколько позже вновь позволили осуществлять объединение капиталов в форме акционерных обществ либо обществ с ограниченной ответственностью как основных форм ведения хозяйственной деятельности[1].

Указанная правовая «реанимация» как возможности осуществления хозяйственной деятельности вообще, так и возможности ее осуществлять в новых правовых формах привели к появлению новых общественных отношений – корпоративных отношений, нуждавшихся в соответствующем адекватном правовом регулировании.

Появление новых форм экономической деятельности вместе с тем привело и к созданию возможностей для различных злоупотреблений в этой сфере, нарушению прав участников такой деятельности. Вполне логично, что в зависимости от характера противоправного поведения, его последствий и иных факторов постепенно возник вопрос об адекватной системе мер защиты, а также охраны прав участников корпоративных отношений, в частности, стоит ли наряду с компенсационными гражданско-правовыми средствами задействовать и публичные (административные, уголовные) средства для обеспечения надлежащего правового поведения? Актуальность этого вопроса сохраняется и по сегодняшний день.

Несмотря на появление первых зачатков корпоративных отношений в нашей стране еще во времена Петра I, в настоящее время следует констатировать, что юридической наукой не выработано единого, согласованного подхода к пониманию корпоративных отношений, их природы и содержания. Отсутствие единой, завершенной и непротиворечивой концепции указанного понятия, на наш взгляд, ви-

[1] В частности, это стало возможным после принятия постановления Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах».